

Шабанова Юлія Александровна

*Доктор філософських наук, професор,
заведуюча кафедрою філософії
Державного ВУЗ
«Національний горний університет»*

ЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Современная автономия философии, пребывающей в удалении от главных драматических событий социального сценария, выразилась в пресловутом разрыве между теорией и практикой. Разрыве, который констатируется многими гуманитарными науками вне стремлений переосмыслить инварианты его преодоления. Между тем, путь преодоления стар как мир. Этика со времен античности была, есть и будет связующим звеном идеальных абстракций и бытийственных реалий нравственности. Но не пришло ли время трансформации смыслового содержания этики в рамках современного антропологического кризиса, причину которого во многом определяет автономность высших ценностей и идеалов от реалий жизненного мира? Возможно, необходима переориентация культуры на жизненное воплощение этики как определяющего модуса в становлении Человека?

Говоря о человеке, нельзя забывать постмодерный контекст, в котором Мишель Фуко говорит о "смерти субъекта" [1]; Луи Альтюссер о "теоретическом антигуманизме" [2]; Жак Лакан об отсутствии у субъекта субстанциональной природы [3]; Ален Бадью вообще ставит вопрос "Существует ли человек?" [4], подвергая сомнению универсальность человеческого субъекта. Но как бы то ни было, именно человек и выступает субъектом этики. Без человека постмодернистский нигилизм заходит в аксиологический тупик. Тогда как возвращение к человеку несет надежду на обновление универсальных норм, способных перенаправить этические учения в русло ситуативной реальности. В этой связи императивный характер этики кантовского образца дает сбой, ибо императивность не учитывает широкий спектр непредсказуемых проявлений и поливекторности их интерпретации. Утрачивается смысл индивидуального, частного, неповторимого проживания нравственных реалий. В свою очередь, прикладной характер профессиональных этик компенсирует неучтенные ситуативные сценарии моральных инвариант.

Следует отметить, что в частных формах акценты этики смещены на категорию зла, по отношению к которому оппозицией все больше выступает право в виде категории добра в правовом обществе. Причем, право общечеловеческого субъекта выступает как категория добра по отношению к уже свершившемуся злу. По словам Бадью: "Добро устанавливается относительно зла, а не наоборот" [4, С.37].

Признание человека единственным нравственным субъектом сводит этику к гуманитарной деятельности, нарушая тем самым ключевую характеристику этики – универсальность. Универсальность, которая не должна ограничиваться участием человека вопреки античному пониманию этики, связанной только с антропо-социальным пространством. Очевидно, антропологическая ограниченность этики и таит в себе причину современного экологического или мировоззренческого кризиса.

Представляется, что совмещение ситуативного и универсального подходов дает основания для этики, ведущей категорией которой есть добро, выступающее как всеобщим эталоном, так и ситуативным коррелятом нравственности, в отличие от зла, множественные разновидности которого имеют меньше шансов на идеализацию.

В свою очередь, этический субъект далек от универсальности, ибо выражает множественность, которая бесконечна в своих проявлениях. Эту вариативность обеспечивает чувственно-эмоциональная сфера морального сознания. При этом представители эмотивизма и, прежде всего, Альфред Айер, полагают, что нравственные суждения не обладают истиной, передавая лишь эмоции говорящего [5]. Но, со времен Аристотеля известно, что без эмоций нет нравственного действия. Иррационалист Шопенгауэр, утверждает, что рациональные обоснования морали подрывают фундаментальность ее принципов [6]. Именно эмоционально-чувственный модус морали и таит в себе основания к бесконечности ситуативного, в котором создаются инварианты становления этического субъекта. То есть, в единичном человеке этический субъект проявляется ситуативно и императивность кантовской этики оказывается бессильной перед незрелым моральным сознанием.

Множество существующих этик в современном мире обусловлено проявлениями в мире инаковости. Что же может в данной ситуации скрепить, все этики, все инаковые ситуативные сценарии? Такой этикой представляется этика ненасилия. Ненасилия в смысле принятия всех форм жизни как универсального закона, распространяющегося на социум, природу, мироздание. Ненасилия как нормы, но не императивной, а эмпирической, то есть нормы, выстраданной и осмысленной в ситуации, где существует насилие. Определяющий модус практики ненасилия – осознание иного бытия как самоценного и безоценочное принятие его в потоке Бесконечного.

К сожалению, в современном мире, насилие принимает все более изощренные и завуалированные формы, тогда как ненасилие требует все больше душевных сил, осознанности и способности различать преходящее и вечное. Ненасилие – это и всеобщая, и вполне предметная, даже технологичная, парадигма поведения. Этика ненасилия является одновременно и теорией, и практическим действием (по отношению к добру) или бездействием (по отношению ко злу). И, хотя предпочтительность ненасилия перед насилием самоочевидна, философия призвана обосновать необходимость ненасилия.

Этика ненасилия учитывает моральную амбивалентность человека. Такая реалистическая концепция человека является исходной основой и своего рода философской гарантией действенности ненасилия. Практика ненасилия невозможна как без метафизики добра, так и без метафизики зла. Но, в отличие от современных этик, ориентированных на преодоление зла, этика ненасилия ориентирована на добро, на восполнение недостатка добра, намеренно оставляя без внимания зло. Нивелирование зла приводит к его обесцениванию и преобладанию добра. К примеру, А. Швейцер, автор этики благоговения перед жизнью [7], позволяет себе пренебречь злом и тем самым как бы исключает его.

Через концепт ненасилия философия может и должна обрести новые ракурсы своего бытия, преодолевая разрыв между теорией и практикой. Начиная от Сократа философия выходит из этической мотивации (размышления о сути ради блага), философия стремится к этике (обоснование абсолютных законов ради блага). Именно этика выводит философию в практику, ожидаемую современным обществом. Истинная философия по своей сути этична, ибо бесконечный поиск и обоснование глубинных смыслов имеет диалогичную природу, не позволяющую доминировать насилию. Сегодня философия как этика призвана создавать пространство свободного мышления в поливекторности ситуативных процессов и относительной автономии, в которой человек-единичный обладает уникальным правом быть иным в пространстве добра как этической категории права на совершенное!

Литература:

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой / М. Фуко. – СПб.: А-cad, 1994. – 408 с.
2. Lewis W. Althusser Louis (1918–90) // John Protevi (ed.) The Edinburgh Dictionary of Continental Philosophy. – Edinburgh: Edinburg University Press, 2005. – P. 23-24.
3. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М: Гнозис, 1995. – 100с.
4. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла / Пер. В. Е. Лапицкого / А. Бадью. – СПб.: Machina, 2006. — 126 с.

5. Айер А.Д. Язык, истина и логика / Аналитическая философия. Избранные тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 181 с.
6. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики / Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – С. 20-258.
7. Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992. – 573 с.

Аляев Геннадий Евгеньевич

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин
Полтавского национального технического университета
имени Юрия Кондратюка*

ФЭЙКОВОЕ БЫТИЕ ФИЛОСОФИИ

Эпиграф: «Работа по формированию новой кадровой *философии полиции* продолжается...» (из дневника министра страны, объявившей люстрацию).

1. Философия существует... скажем мягче – надеемся, что существует – как *совокупность рационально-интуитивных мыслительных конструкций*, определёнными своими характеристиками отличающихся от чисто научного знания, но в то же время близких ему. В пределах довольно широкого и не всегда чётко обозначенного поля этих конструкций на самом деле существуют довольно различные сферы, объединение которых под одним названием выглядит иногда явной натяжкой. И всё-таки в большинстве своём философские мысли, идеи, конструкции, концепции и теории рационально или интуитивно осознаются как *философские* в достаточно обширном дискурсивном сообществе.

2. «Философия» существует также как понятие – слово, обозначающее некий предмет, в данном случае – эту самую, описанную выше специфическую «совокупность рационально-интуитивных мыслительных конструкций». В этом смысле «философия» – это, прежде всего, знак, *означающее*, находящееся в определённом отношении с означаемым. Как раз в этом промежутке *отношения* между означающим и означаемым, в принципе, и может возникать несоответствие, искажение смысла, подмена, подделка – *фэйк (fake)*. Определённым провоцирующим моментом возникновения таких несоответствий является уже отмеченная выше размытость границ того тематического поля, которое может претендовать на это название. С другой стороны, такой провокацией выступает само исходное значение нашего слова-